

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

РАБОТНИК ОДИННАДЦАТОГО ЧАСА

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

В 1983 г. Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества», считающейся одним из ключевых текстов в области исследований национализма, писал: «“конец эпохи национализма”, который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени»¹.

События последующего десятилетия блестяще подтвердили этот прогноз. К изумлению многих интеллектуалов, которые, подобно Юргену Хабермасу, уже приготовились жить в «постнациональном мире», в конце 1980-х — начале 1990-х национализм вновь напомнил о себе, внезапно выйдя на сцену истории во всей своей мощи, одновременно разрушительной и созидательной. Противостояние глобальных идеологий, коммунизма и капитализма, закончилось, и крах коммунистических режимов в СССР и странах Восточного блока открыл дорогу партикулярному национализму, еще недавно казавшемуся пережитком XIX столетия.

На смену прежним многонациональным образованиям (СССР, ЧССР, СФРЮ) пришло множество новых национальных государств, появление каждого из которых, неважно, насильственное (распад Югославии) или мирное («бархатный развод» Чехии и Словакии), сопровождалось массовой националистической мобилизацией на-

селения. В политической жизни стран, формально независимых к моменту распада Варшавского договора (Венгрия, Румыния, Польша), идея нации также стала играть заметно большую роль по сравнению с послевоенной системой «народных демократий». Так, диссидент Йожеф Анталл, став первым премьер-министром демократической Венгрии, сразу же изъявил о своем желании «быть премьер-министром 15 миллионов венгров» (1990). Он имел в виду миллионы соотечественников, живущих за пределами 10-миллионной Венгрии, проблемы которых прежде коммунистическое руководство игнорировало, и «неспособность венгерского правительства встать на защиту прав этнических венгров, в особенности в Румынии (и в меньшей мере в Словакии), для антикоммунистических сил в Венгрии в 1980-х служила основным поводом для недовольства»².

Одновременный запуск процессов нациестроительства на посткоммунистическом пространстве заставил исследователей обратиться к обсуждению феномена «волн национализма». Например, советолог Марк Бейссингер, рассматривая националистические проявления, распространявшиеся подобно лесному пожару по советским республикам во второй половине 1980-х, подчеркивал: «...национализмы

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 27

² Batory A. Kin-state identity in the European context: citizenship, nationalism and constitutionalism in Hungary // Nations and nationalisms. 2010. V. 16. №1. P. 624–642.

оказывают глубокое влияние друг на друга. Они являются транснациональным и взаимозависимым феноменом, а не просто набором индивидуальных и изолированных друг от друга историй. <...> Национализм в этом смысле суть модульная форма политического поведения, специфический модуль протестного действия или дискурсивная рамка, которая легко может перемещаться из одного контекста в другой»³. Бейссингер показывает, как в СССР одно за другим — сначала под нейтральными природоохранными лозунгами, а затем и под сецессионистскими — возникли сходные националистические движения. Националисты, вдохновляясь примером соседей, например, борющихся против строительства вредного производства, запланированного союзными властями, начинали поднимать в своих республиках схожую проблематику.

Волны национализма

Нечто подобное наблюдалось всегда: национализм с самого начала являлся «модульной» идеологией, легко адаптируемой к местной специфике. Возможно, в этом и заключается одна из главных причин его повсеместного триумфа. Так, первый же полноценный проект национального строительства в Европе, выкристаллизовавшийся в ходе Великой французской революции, породил и первую «волну» национализма. В начале XIX в. Фихте в оккупированном французами Берлине читал лекции о единой немецкой нации, Шишков и Ростопчин в России впервые противопоставили моде на всё французское идеал русской самобытности⁴, а еще раньше, в 1796 г., итальян-

ские республиканцы Буонаротти и Черизе, вдохновляясь идеалом «единой и неделимой» французской республики, одними из первых начинают взывать к объединению раздробленной тогда Италии: «мы все принадлежим одной стране, одному отечеству, все итальянцы — братья»⁵. В разных странах разные группы на свой лад приспосабливали националистический «модуль», имеющий маркировку «Made in France», к местному контексту. Желая противостоять французам, которые первые встали на путь построения современной нации, политики и интеллектуалы обращались к французским же рецептам. Ответом на возникновение французского национализма было возникновение национализма русского, итальянского, немецкого.

В свою очередь, национализмы «первой волны» с отсрочкой в несколько десятилетий «инфицировали» националистическим микробом окружающие регионы: сербы и хорваты оглядывались на соседнюю Италию с ее Рисорджименто, чехи и поляки вдохновлялись опытом немцев. Прошло еще несколько десятилетий — и в деле национального строительства с европейских стран стали брать пример их колонии. А затем уже в самой Европе в 1960–1970-х гг. баскские и корсиканские сепаратисты перенимали тактику и идеологию у революционеров из третьего мира. Запутанная сеть миметических отношений всё разрасталась, националисты подглядывали друг за другом, и в момент срабатывания геополитических триггеров по миру пробежали всё новые «волны» национализма. К ним можно отнести европейскую «Весну народов» (1848–1849), образование национальных государств в результате распада многонациональных

³ *Beissinger M.* How Nationalisms Spread: Eastern Europe Adrift in the Tides and Cycles of Nationalist Contention // *Social Research*. 1996. V. 63. № 1. P. 97–146.

⁴ *Храмов А.* «Ура, русские!»: национализм 1812 года // *Вопросы национализма*. 2012. № 11. С. 161–167.

⁵ *Бондарчук В.С.* Национальная идея и национальное сознание в Италии // *Национальная идея в Западной Европе в Новое время*. Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005. С. 337–393.

империй, участвовавших в Первой мировой войне, триумф антиколониальных национально-освободительных движений после Второй мировой войны.

Вспышка посткоммунистических национализмов, пришедшая на конец 1980-х и первую половину 1990-х гг., если не считать Арабской весны 2010–2011 гг., — это самый свежий пример такого рода волн. По мнению Ганса-Юргена Пуле⁶, посткоммунистические национализмы в Восточной Европе являются шестой по счету волной националистической мобилизации. О ее порядковом номере можно спорить (он зависит от методики подсчета предыдущих волн), однако далеко идущие последствия подъема посткоммунистических национализмов сложно отрицать. Почти 20 лет назад один из специалистов по национализму, ирландский историк Раймонд Пирсонс даже сравнил их с последствиями Великой французской революции: «...так же как влияние 1789 [года] распространилось на XIX столетие, так и 1989 [год] обусловил амбивалентное, но [в то же время] несомненно основополагающее господство национализма, породив политико-социальную лавину (*deluge*), чья турбулентность приливами будет захлестывать большую Восточную Европу и в XXI столетии»⁷.

Многонациональность versus русское государство.

Прогноз Пирсонса звучит особенно интригующе применительно к России, которая остается единственной посткоммунистической страной, до сих пор не затронутой «волной» национализмов конца 1980-х — начала 1990-х

(за исключением отдельных иноэтнических регионов, таких как Чечня, Татарстан и Башкирия). В отличие от стран Восточной и Центральной Европы и бывших советских республик, которые за минувшие 25 лет с разной долей успеха трансформировались в национальные государства, Россия так и не встала на этот путь. Российские власти продолжают ориентироваться на советскую модель, которую Роджерс Брубейкер очень удачно обозначил термином «институционализируемая многонациональность»⁸. Брубейкер справедливо указывает, что этническая гетерогенность характерна для многих стран мира, в особенности для бывших колоний. Тем не менее их руководство пытается, хотя и не всегда успешно, «спаять» этнические группы в единое целое, тем самым реализуя принцип *nation state*. Напротив, советские власти все 70 с лишним лет сознательно культивировали этническую неоднородность собственного населения, институционализируя национальные группы как на низовом уровне, через отметки о национальности в паспорте, так и на государственном, через соответствующие национальные республики и другие территориальные образования.

Иначе говоря, в СССР, как и в нынешней России, никогда не пытались создать относительно гомогенную нацию, делая в случае необходимости уступки этническим меньшинствам. Политика была прямо противоположной: этническую неоднородность не просто «терпели», ее поддерживали при помощи соответствующих институтов. «Многонациональный советский народ», как и сейчас «многонациональный российский народ», не был и не мог быть нацией в привычном смысле этого слова: он конструировался как сборная сущность более

⁶ Пуле Г.-Ю. Новые национализмы в Европе — шестая волна? // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 1 / Под ред. Э. Яна. М., 2010. С. 174–195.

⁷ The Making of '89: Nationalism and the Dissolution of Communist Eastern Europe // Nations and nationalism. 1995. V. 1. № 1. P. 69–79.

⁸ Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union // Theory and Society. 1994. V. 23. P. 47–78.

высокого порядка, составленная из множества малых наций. С моделью институционализированной многонациональности, унаследованной (с некоторыми поправками) со времен СССР, связаны многие на первый взгляд парадоксальные особенности политики нынешней российской власти. Например, в недавно одобренной «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года» наряду с «укреплением единства российской нации» парадоксальным образом провозглашается «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России»⁹. Сложно представить себе, например, французских политиков, которые бы занялись укреплением единства французской нации, сохраняя и развивая этнокультурные отличия бретонцев или окситанцев. Особенность российской ситуации состоит в том, что российская нация, подобному советскому народу, не имеет отношения к реальному националстроительству и не является его продуктом.

Институционализированная многонациональность предполагает реальный nation-building лишь на уровне составных элементов супранациональной общности: советские власти успешно и во многих случаях практически с нуля создали множество наций, снабдив их собственной национальной территорией, культурой, государственностью¹⁰, и в итоге СССР распался по границам, которые были прочерчены в процессе этих множественных националстроительств. Система институционализированной многонациональности предполагала культивирование «особости» всех национальных субъектов, за исключением самой крупной из них — русской. Брубейкер отмечает, что у русских, в отличие от осталь-

ных крупных советских национальностей, не было четко очерченной национальной территории¹¹, русским предлагалось ассоциировать себя с общесоюзными институциями. В РСФСР, которая, впрочем, никогда не считалась русской республикой, подобно тому как УзССР считался узбекской республикой, а АзССР — азербайджанской, не было собственной компартии, собственного отделения Академии наук. На первом открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1939 г. не было даже отдельного павильона РСФСР, несмотря на присутствие павильонов всех остальных союзных республик, выполненных с учетом соответствующего национального колорита. Во многом эта фундаментальная асимметрия и являлась залогом устойчивости многонациональной *politeia*: русскому большинству в ней отводилась роль связующего аморфного субстрата, который должен скреплять во едино многочисленные национальные «кирпичики», при этом не претендуя на какую-либо политическую субъектность.

Российская Федерация унаследовала от СССР, наряду с некоторыми другими особенностями советской модели многонациональности, систему асимметричного федерализма, где национально-территориальные образования предусмотрены только для малых наций. У русских нет «собственных» республик, а Россия как государство представляет интересы не русской нации, а «многонационального русского народа» в целом. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отличие от остальных посткоммунистических стран, активно включившихся в защиту интересов соотечественников за рубежом, Россия до последнего времени не делала каких-либо шагов в данном направлении. Если, например, в Венгрии вопрос взаимодействия с венгерской диаспорой (например, предло-

⁹ <http://kremlin.ru/news/17165>

¹⁰ Храмов А. Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 18–38.

¹¹ Brubaker R. Ibid.

жение раздать гражданство всем пяти миллионам венгров, живущим в соседних странах, вынесенное на референдум 2004 г.) играл определяющую роль в политической жизни, то судьба многомиллионного русского населения, оказавшегося при распаде СССР за пределами России, никогда не привлекала повышенного внимания российских политиков первого эшелона¹².

Поскольку Российская Федерация позиционируется не как русское национальное государство с этническими меньшинствами, а как особое «многонациональное» образование, то ее руководство не считает себя обязанным как-либо специально заниматься проблемами этнических русских как за рубежом, так и внутри России (например, как-либо реагировать на сокращение процента русского населения в ряде регионов). Более того, даже разговоры о необходимости русского национализма рассматриваются как посягательство на государственные устои. В программной статье Владимира Путина, посвященной национальному вопросу, специально отмечалось, что «попытки проповедовать идеи построения русского “национального”, моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории»¹³.

Волна приближается?

Неизбежным следствием претворения в жизнь модели институционализированной многонациональности яв-

ляется парадокс, подмеченный недавно Шоном Гиллари: «несмотря на свое политическое, культурное и численное преобладание, многие русские считают себя народом без государства»¹⁴. По-видимому, такие настроения распространены сильнее всего в наиболее обеспеченном и политически активном сегменте российского общества — среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Согласно опросу, проведенному по заказу Общественной палаты РФ (май–июль 2013), в обоих городах 46% русских респондентов согласны с тем, что русские в России «оказались в роли угнетенного большинства» (в целом по России — 37%)¹⁵. Из опроса ВЦИОМ (сентябрь 2013), подготовленного в преддверии заседания дискуссионного клуба «Валдай», следует, что лозунги «Хватит кормить Кавказ» и «Россия для русских» пользуются наибольшей поддержкой (70%) среди жителей обоих столичных регионов (по России — 51 и 46% соответственно)¹⁶. Социологи также указывают, что с начала 2010-х в России в целом наблюдается рост симпатий к русскому национализму. Согласно опросу «Левада-центра» (октябрь 2013), за последние три года число россиян, относящихся положительно к идее проведения «Русских маршей», выросло с 28 до 40%, а число людей, негативно оценивающих такие мероприятия, сократилось с 36 до 26%¹⁷.

¹⁴ Guillory S. How Russian Nationalism Fuels Race Riots // <http://www.thenation.com/article/176956/how-russian-nationalism-fuels-race-riots>

¹⁵ Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни // Материалы к слушаниям на тему: Национальный вопрос в общественно-политической жизни России. М., 2013. 168 с.

¹⁶ Современная российская идентичность: измерения, вызовы ответы // Опрос ВЦИОМ по заказу международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013.

¹⁷ <http://www.levada.ru/01-11-2013/rossiyanе-o-russkom-marshе>

¹² В конституциях многих восточноевропейских стран специально оговаривается право соотечественников, живущих за рубежом и не имеющих гражданства, на поддержку со стороны государства, но в российской конституции этот вопрос не упоминается. См.: Храмов А. Конституционная реформа и русский nation-building // Вопросы национализма. 2013. №15. С. 41–47.

¹³ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

Можно предположить, что «националистический поворот» последних лет в России объясняется не только недовольством, связанным с притоком внешней и внутренней миграции, но и ответом на незавершенное русское нациестроительство. Для всё большего числа русских их национальная идентичность выходит на первый план, в то время как российское государство до сих пор отказывается признавать, что у русских как национальной группы могут быть какие-то особые запросы, помимо тех, что свойственны всем россиянам, например, в плане социального обеспечения или образования. Око институционализированной многонациональности распознает национальную специфику только малых народностей, русские же всегда попадают в область его слепого пятна. В этом смысле особенно важно, что в 2014 г. на растущее национальное самосознание русского большинства наложился и важный внешний фактор — национально-освободительная революция в соседней Украине. Эта революция, в которой ключевую роль сыграли украинские националисты, можно сказать, сошла со страниц монографии по истории национализма XIX в. Практически всё происходившее в январе–феврале 2014 г. в центре Киева — баррикады, кровавые уличные столкновения, «урожайные» на национальных героев-мучеников («Небесная сотня»), обилие патриотической риторики и национальных флагов, коллективное исполнение гимна на площадях, прямая демократия вооруженного народа, сражающегося против тирана-узурпатора, каким был президент Янукович в представлении революционеров, — всё это можно рассматривать как проявления национализма в самом что ни на есть классическом смысле этого слова. Украинские события в который раз доказывали, что хоронить национализм, как это пытались делать еще в нача-

ле 1980-х, было бы крайне преждевременно. Это же касается в первую очередь восточного соседа Украины, застрывшего в советском прошлом.

Как уже говорилось выше, национализм по своей сути миметичен и заразителен. Это значит, что вспышка украинского национализма не может не сказаться на развитии массового русского национализма, которое до сих пор блокировалось во имя институционализированной многонациональности. Первые признаки такого влияния уже налицо. Российское руководство, ссылаясь на необходимость защиты русскоязычного населения от украинских националистов, провело операцию по присоединению Крыма, что стало полной неожиданностью практически для всех аналитиков. Выступая перед Федеральным собранием 18 марта 2014 г. по случаю этого события, президент Путин провозгласил, что «на Украине не живут и будут жить миллионы русских людей, русскоязычных граждан, и Россия всегда будет защищать их интересы»¹⁸, противодействуя попыткам «лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать [их] объектом принудительной ассимиляции». В этой речи президент ясно дал понять, что Крым был присоединен к России потому, что там живет полтора миллиона русских: «Крым — это исконно русская земля, а Севастополь — русский город». Путин также подчеркнул, что после распада СССР «русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире». Раньше такие слова никогда не звучали из уст российских первых лиц. Кремлю едва ли не впервые пришлось заявить о существовании русской нации, которая не ограничивается обладателями российских паспортов и должна быть предметом особого попечения. Очень ве-

¹⁸ <http://www.kremlin.ru/news/20603>

роятно, что это не пройдет бесследно: в дальнейшем, пусть и вопреки желанию действующего руководства, аналогичный вопрос о правах и интересах русских будет поднят уже внутри самой России.

Хватило буквально пары месяцев триумфального шествия украинского национализма, чтобы руководство России, еще недавно действовавшее в парадигме советской многонациональности, стало выступать от имени русской нации. Подобным образом династия Романовых, в эпоху Александра II и ранее делавшая ставку на инациональные элиты и даже не помышлявшая о русификации Российской империи, после 1871 г., под влиянием триумфа немецкой национальной идеи — объединения Германии, была вынуждена приступить к реализации русского национального проекта. В нынешней ситуации российская власть разыгрывает «русскую карту» тоже под давлением обстоятельств: в современном мире национализму можно противопоставить только национализм. Впрочем, национализм, инспирированный национализмом соседа, никогда не бывает его точной копией. «Модуль» всегда адаптируется к местным условиям. В начале XIX в. немецкий национализм, как уже было сказано, возник как реакция на экспансивный французский национализм, но он отнюдь не стал таким же либеральным и республиканским. Наоборот, антифранцузская направленность заставляла немцев скептически оценивать французские порядки: многие немецкие интеллектуалы полагали, что «права человека прибыли в Германию в обозе захватчиков». Поэтому еще неизвестно, как украинская национальная революция отразится на русской национальной мобилизации и будет ли она происходить под такими же прозападными и демократическими лозунгами.

Работник одиннадцатого часа

В одной из евангельских притч рассказывается о хозяине, который с самого раннего утра и вплоть до одиннадцатого часа нанимал работников в свой виноградник. В конце рабочего дня он заплатил и тем, кто приступил к труду первыми, и тем, кто пришел в одиннадцатом часу, одинаковую плату. Об этой притче заставляет вспомнить история национальных движений двух последних столетий. Французы стали первыми трудиться на ниве национального строительства, в третьем часу к ним присоединились немцы, греки, итальянцы, венгры, в шестом часу «пробудились» западные славяне, финны. Часы истории тикали, и в разных регионах возникали всё новые волны национализма. Но в этом винограднике не могло быть опоздавших, и каждый получал одинаковое вознаграждение — национальное государство.

Возможно, русский национализм является работником одиннадцатого часа, и этот час еще не пробил. Россию до сих пор не захлестнула националистическая волна, поднявшаяся при распаде советской системы. Но кто знает, быть может, спустя десятилетия она всё же «докатится» и до нашей страны? Разве не слышен глухой рокот, сопровождающий ее приближение? Конечно, не стоит впадать в историцистскую самоуверенность: нельзя говорить о неких неумолимых исторических законах, которые будто бы делают неизбежной трансформацию России в русское национальное государство. И всё же такая трансформация представляется очень вероятной. Всякое ружье рано или поздно выстрелит. Бытие нацией до сих пор остается самой универсальной установкой политической жизни. Институционализированная многонациональность, напротив, — это уникальный советский реликт, не имеющий мировых аналогов. И не эта, так другая волна разобьет эту конструкцию вдребезги.